

УДК 811.161.1

АКЦЕНТНАЯ АДАПТАЦИЯ ТЮРКИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Гилязетдинова Г.Х., Фомина Т.Г.

Аннотация

В статье анализируются особенности вхождения тюркизмов в акцентную систему русского языка, заполнение ими в русском языке акцентной лакуны новой окситонезы, послужившей языковым знаком восточных лексем. Рассматривается влияние акцентуации тюркизмов на инициирование продуктивности ряда русских словообразовательных элементов.

Ключевые слова: акцентуация, тюркизмы, акцентная адаптация, языковые контакты.

Summary

Accentual adaptation of Turkisms in Russian language

Gilazetdinova G.H., Fomina T.G.

In this article we are analyzing the specifications of Turkisms penetration in accentual system of Russian language, filling of accentual hole of new oxytone in Russian language with Turkisms, which served as a sign of oriental lexical units.

We're also covering the effect of Turkisms' accentuation on the productivity activation of some Russian word-formation elements.

Key words: accentuation, Turkisms, accentual adaptation, linguistic contacts.

Тюркизмы представляют собой в русском языке особую ветвь заимствований. Трудно найти ту или иную историческую эпоху, когда бы прекращалось лексическое взаимообогащение восточнославянских и тюркских языков. Контакты между народами были многоплановыми и носили военно-политический, торгово-экономический, культурно-бытовой характер, влияя на различные сферы жизни, что породило тематическое разнообразие тюркизмов, их глубокое проникновение не только в разностилевые письменные памятники, но и в устную речь русских, а позже обусловило множество лингвистических проблем при определении этимологии той или иной лексемы.

Многие из тюркизмов глубоко вошли в сознание русских как 'свои' лексемы, приобретая при этом статус языковых знаков русской истории и

культуры, например: *богатырь, сарафан, бурлак, шалаиш, кулак*. Другие лексемы на протяжении столетий могли оставаться в русском языке варваризмами, отсылающими нас к восточным культурам, например: *басмач, аргамач, чабан, гайдамач, шайтан, чалма*. Специфичной в связи с вышесказанным является и акцентная адаптация тюркизмов, отражающая разные этапы их вхождения в систему русского языка, а также различную стилистическую характеристику и частотность употребления.

Тюркизмы входили в древнерусский язык еще в ту эпоху, когда происходила трансформация просодической структуры русского слова: утрачивались рефлексы праславянского тонального ударения и формировались его количественные характеристики с последующим долготным выделением ударного гласного и сокращением безударных гласных. «Это время, – как пишет В.В. Колесов, – всестороннего развития разрушающейся праславянской просодической системы, развития, связанного с падением редуцированных и преобразованием интонационно-количественных отношений в языках» [1: 6].

Тюркизмы активно входили в состав русской лексики и в XVI–XVII вв., когда формировались новые грамматические парадигмы русского языка, а ударение активно участвовало в этих процессах, объединяя лексемы в акцентные парадигмы и маркируя акцентом грамматические формы и новые флексии. Анализируя встречающиеся в памятниках XVI в. колебания ударения в тюркских лексемах, В.В. Колесов не находит какой-либо закономерности в данных колебаниях. Он считает, что «славянская лексика, послужившая материалом для всех акцентологических изменений, довольно долго сохраняет ударение эпохи разложения интонационных отношений. Напротив, слова, заимствованные после соответствующих изменений, характеризуются определенным и выразительным акцентологическим безразличием» [1: 36].

Действительно, зафиксированные в памятниках письменности тюркизмы постоянно меняют ударение в различных грамматических формах (*орда́/о́рда, орды́/о́рды, орду́/о́рду, бармы́/ба́рмы, тюрму́/тю́рму, тюрмы́/ тю́рмы*), свидетельствуя тем самым о «хаотичности» процесса их первичной акцентной

адаптации. Наличие акцентных колебаний в начальных формах слова В.Л. Воронцова регистрирует в словарях XVIII–XIX веков (*софа́/со́фа, кобура́/кобу́ра, конура́/ кону́ра, арба́/ арба, доха́/до́ха*) [2: 54], а В.В. Колесов отмечает, что данные колебания сохраняются вплоть до начала XIX в. [1: 36].

Акцентные колебания в тюркизмах, на наш взгляд, были обусловлены столкновением двух типов просодических моделей, о которых пишет Т.М. Николаева. Так, анализируя просодическую схему слова и сильные точки акцента, Т.М. Николаева подчеркивает, что для славянского слова сильной точкой интенсивности является начало слова, а сильной точкой по длительности – его конец. Между тем в тюркских языках, характеризующихся финальным ударением лексем, интенсивность повышается к концу слова, а длительность, напротив, фиксирует его начало [3: 388–389]. Именно это могло повлиять на то, что тюркизмы, входя в систему русского языка, перетягивали исконное финальное ударение к началу слова или на его середину, формируя у себя славянскую просодическую модель и приобретая подвижность ударения, так как разноместное ударение, по Р.О. Якобсону, несовместимо с фонологичностью долготы. Славянские языки, обладающие фонологической долготой, тяготеют, как правило, к инициальному фиксированному ударению, а финальная длительность выполняет у них функции смысловоразличения. В языках же со свободным ударением оно может передвигаться к концу слова, при этом длительность утрачивает способность выполнять функции фонологической нагруженности [3: 389].

О роли просодической долготы при заимствовании тюркизмов писал также И.Г.Добродомов, который отмечал, что «колебания ударения *твóрог* аналогичны колебаниям ударения в восточнославянском *атáман*, где с конечного слога ударение оттягивалось на долгий гласный...» или «вполне возможно, что ударение *ча́кан* связано с долготой первого слога в болгарском источнике...» [4: 13–14].

С утратой в славянских языках фонологичности долготы тюркизмы стали возвращать себе исконное ударение на финали. В современном русском языке

используемые в речи тюркизмы, прошедшие грамматическую адаптацию и примкнувшие к русским существительным женского рода с флексией *-а*, в подавляющем большинстве вернули себе финальное ударение: *арба́*, *бахча́*, *бахрома́*, *бастурма́*, *деньга́*, *курага́*, *лапша́*, *кутерьма́*, *орда́*, *паранджа́*, *парча́*, *пахта́*, *пиала́*, *пахлава́*, *саранча́*, *софа́*, *сурьма́*, *тайга́*, *тахта́*, *тафья́*, *тюрьма́*, *тесьма́*, *ураза́*, *фата́*, *халва́*, *хамса́*, *ханжа́*, *хна́*, *хурма́*, *чадра́*, *чалма́*, *чехарда́*, *шепталá*.

Предфлексивное ударение появлялось у тюркизмов, имевших в языке-источнике консонантную финаль основы, но приобретающих в русском языке вместе с женским родом флексию *-а* или еще и русский суффикс *-к*: *киби́тка* (тат. *kibet*), *кобу́ра* (тур. *Kubur*), *курку́ма* (араб. *korkom*), *лачу́га* (тюрк. *alağyk*), *одали́ска* (тур. *odalik* → фр. *odalisque*), *оттома́нка* (тур. *Othman*), *папа́ха* (тюрк. *parach*), *фелю́га* (араб. *fulk*), *фе́ска* (тур. *fes*), *чина́р/а* (перс. *čapar*), *чуми́чка* (тюрк. *çemic* = *çimiç*), *ю́рта* (тюрк. *jurt*), *я́шма* (тур. *yeşim* из араб.) [5]. Данные существительные закрепляли при словоизменении постоянное ударение на основе слова типа АА (*лачу́га, -и, -е, -у, -ой, -е // -и, -Ø, -ам, -ами, -ах*).

В XVI–XVII веках сформировавшаяся на базе русского языка разноместность ударения заимствованных лексем с основой на *-а* и его подвижность способствовали тому, что тюркизмы, как и собственно русские лексемы, характеризующиеся исконной подвижностью ударения, включались в процесс становления новых русских грамматических парадигм существительных 2-го склонения, участвуя в формировании акцентно-грамматической оппозиции Вин. пад. ед. числа (*ко́балу, ка́зну/ ко́зну*) [2: 59] или маркируя ударением окончания Дат., Тв., Предл. пад. мн. числа (*тюрьма́м, тюрьма́ми, тюрьма́х; орда́м, орда́ми, орда́х; бахрома́м, колбаса́м*: «Орда́ми бегали срацины» Катенин; «Ни в банях, ни в тюрьма́х убежища ни сыщет» Майков) [6: 48, 64].

Необходимо также отметить, что тюркизмы с ударной финалью *-а́* сыграли значительную роль при стабилизации в русском языке акцентной парадигмы (АП) типа ВВ или ВВ(с2)/ВØ с постоянным ударением на флексии (ВØ –

бахрома́, бахромы́, бахромé, бахрому́, бахромой́, о бахромé // мн. ч. – нет; ВВ – *бахча́, бахчи́, бахчé, бахчу́, бахчой́, о бахчé* // *бахчи́, бахчéй, бахча́м, бахчи́, бахча́ми, о бахча́х*; ВВ(с2) – *пиала́, пиалы́, пиалé, пиалу́, пиалой́, о пиалé* // *пиалы́, пиал, пиала́м, пиалы́, пиала́ми, о пиала́х*), что было особенно важно для стабилизации гармоничности акцентной системы, так как русская лексика, зафиксированная в памятниках с ударной флексией *-á*, к XX в., за исключением единичных примеров, перешла в парадигму ВА с оппозицией форм ед. и мн. числа (*игра́ – и́гры, звезда́ – звёзды, игла́ – и́глы, пчела́ – пчёлы*) или, утратив ударение на флексии, закрепилась с акцентной парадигмой АА (*веха́/вéха – вéхи, дрема́/дрéма – дрéмы, кроха́/кро́ха – кро́хи*).

Именно поэтому АП типа ВВ или ВВ(с2)/ВØ в современном русском языке является во многом языковым знаком восточной культуры, при этом наиболее стойко парадигма ВØ проявляется у тюркизмов, имеющих вещественное или собирательное значение и не развивающих форм мн. числа (*тайга́, курага́, халва́, пахлава́, кутерьма́*). Конкретно-предметное значение заимствования, сформировавшееся у него мн. число, а также частотность употребления в устной речи способствуют его переходу в АП типа ВА с оппозицией ед. и мн. числа, ср.: *колбаса́ – колба́сы, тюрьма́ – тюрёмы, софа́ – со́фы, орда́ – о́рды, пиала́ – пиалы́* (разг.).

Заимствованные тюркские лексемы с консонантной финалью и исходным ударением на конечном слоге, будучи воспринятыми русскоязычными носителями как существительные мужского рода, колебались в основном между двумя типами акцентных парадигм:

а) до конца XIX века они сохраняли при словоизменении, как и положено заимствованиям, постоянное ударение на основе – АА (*бурла́к – бурла́ка, бурла́ки – «С бурла́ками взнося мой глас» Барков; «То бурла́ки идут бечевой» Некрасов; каба́н – каба́на – каба́нов – «Там роющих ниву каба́нов сражаем» Кюхельбекер*) [6: 114,116];

б) постепенно приобретали, особенно в разговорной речи и поэзии, акцентную парадигму, относимую к условно постоянному ударению на

флексии, т.е. ВВ или В(с1,4н)В (*визи́рь – визи́ря – визи́ри* – «В дом к тестю визи́рю» Дмитриев; *аргама́к – аргамака́* – «Ему скорей аргамака́, И времени бы не теряли» Осипов) [6:113, 114].

Только в единичных случаях у тюркизмов муж. рода можно встретить АП типа АВ с оппозицией ед. и мн. числа, сопровождавшуюся формированием форм мн. числа и переносом ударения в формах ед. числа на неконечный слог (*жемчу́гъ – жемчу́га* // мн.ч. нет (АØ) → *жемчу́г – жемчу́га*// *жемчу́ги* (АА) → *жемчу́гъ – жемчу́га́* // *жемчуги́* (В(с1,4н)В) → *же́мчугъ – же́мчуга* // *жемчу́га́* (АВ) – «Стекло подобися жемчу́гу, Любимо по всему земному ходит кругу» Ломоносов; «Хвалил жемчу́гами усыпанный испод» Муравьев; «И ты любил не жемчуги́, Не камни дорогие» Козлов) [6: 115–116].

Финалью консонантных основ заимствованных тюркизмов часто являлись повторяющиеся звуковые сочетания *-ак/-як, -ач, -ан, -ок/ -ог, -ук/-юк/-уг, -ык, -ич* (*каба́к, армя́к, саба́н, арка́н, кума́ч, курдю́к, ярлы́к, черто́г, сунду́к, кирпи́ч*), которые не являются словообразовательными морфемами с точки зрения русского языка, однако в силу регулярности и частой повторяемости они могли восприниматься русскоязычными носителями как суффиксы.

Необходимо отметить, что понятие морфемы как мельчайшей значимой части слова, выполняющей словообразовательную и формообразовательную роль, сформировалось только в конце XIX века в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ. Между тем уже с середины XVII века были отмечены первые наблюдения над звуковыми сочетаниями, повторяющимися в различных словах, которые, в свою очередь, оказываются близкими по своим значениям. Так зарождается мысль о смыслообразующих частях слова – предморфах, т.е. еще не являющихся морфемами звуковых сочетаниях, с помощью которых в лексему закладывается определенный смысловой образ и которые могут семантически и фонетически объединять группы слов. Такие звуко сочетания в XX веке стали называть термином ‘фонестема’. Считается, что от морфемы фонестему отличает меньшая продуктивность, регулярность и бо́льшая расплывчатость значения.

На наш взгляд, именно тюркские фонестемы инициировали и во многом продуцировали в русском языке формирование таких суффиксов, как *-а́к*, *-а́ч*, *-у́к*, *-у́н* и некоторых других. Н.К. Дмитриев пишет, что все тюркские лексические элементы, исторически попавшие в русский язык, присоединились к ближайшему в структурном отношении типу или, не имея аналогий в русском языке, создали свои особые типические группы. Так, по его мнению, они «были приравнены к русским морфологическим группам» на *-ак* /*-як*, *-ук*, *-ач*, *-ан*, *-арь*, *-ырь*, *-ыш*, *-ун* и «прикреплялись к одному из двух типов русских ударений: подвижному или неподвижному» [7: 96]. Однако количество русских слов с суффиксом *-ак* или, например, *-няк* в древнерусском языке незначительно по сравнению с количеством тюркизмов на *-ак*. Кроме того, русские лексемы, встречающиеся в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», свидетельствуют о неустойчивости данных суффиксов в описываемый период: они фонетически варьируются, отражая свойственное тюркским языкам смешение гласных и неразличение глухих/звонких согласных *к/г* (ср.: *мочагъ/акъ*; *ивнягъ/някъ/никъ*; *могилягъ/могилякъ*; *елнякъ/нягъ/никъ*; *Бздакъ/Бздокъ*; *индрикъ/индракъ*) [8].

Важно отметить, что в отличие от других славянских суффиксов, образывавших производные существительные от основ с АП типа АА и характеризовавшихся безударностью (*чи́стикъ*, *ста́рикъ*, *ма́ликъ*, *четве́ртъкъ*), суффиксы *-ак*, *-ач*, по данным А.А. Зализняка, не зафиксированы в памятниках письменности как безударные (типа *ры́бакъ*, *си́лачь*). Он констатирует: «По-видимому, они устранились довольно рано» [9: 149]. Однако, возможно, подобных образований с безударным суффиксом просто не существовало в тот период, так как именно финальное ударение тюркизмов способствовало позже формированию в русских лексемах ударения на формирующихся суффиксах, например: *-а́к/-я́к* (тюрк.: *черда́к*, *куна́к*, *иша́к*, *армя́к* → русск.: *гуса́к*, *проста́к*, *земля́к*); *-а́ч* (тюрк.: *басма́ч*, *кума́ч*, *толма́ч* → русск.: *пуга́ч*, *цирка́ч*, *борода́ч*); *-у́к/-ю́к* (тюрк.: *каблук*, *сундук*, *барсук*, *башибузук*, *бирюк* → русск.: *сердюк*, *зелен(ч)ук*, *бар(ч)ук*); *-ы́к* (тюрк.: *кады́к*, *башлы́к*, *балы́к*, *ярлы́к* → русск.: *язы́к*

); -*án* (тюрк.: *тума́н, болва́н, карма́н* → русск.: *братáн, орла́н, губáн*); -*ун* (тюрк.: *зипу́н, колту́н, каву́н* → русск.: *бегу́н, лету́н, валу́н*).

Данные тюркизмы до конца XIX века в основном сохраняли постоянное ударение типа АА, однако в современном русском языке у них преобладает АП типа В(с1,4н)В (*каза́к, -а́, -у́, -а́, -о́м, -е́// -и́, -о́в, -а́м, -о́в, -а́ми, -а́х*), которая прослеживается и у других тюркизмов с финальным ударением основы, не обладающих регулярными и устойчивыми фонестемами (*хому́т, -а́; утю́г, -а́; упы́рь, -я́*). Сохранение данными тюркскими заимствованиями постоянного ударения с АП типа АА зависит от нескольких причин:

а) от слоговой характеристики лексемы – трехсложные существительные сохраняют, как правило, ударение на основе (*сарафа́н, -а; чемода́н, -а; карава́н, -а; карапу́з, -а; баклажа́н, -а; таракáн, -а; атама́н, -а; чебуре́к, -а; бешибарма́к, -а; буера́к, -а; гайдама́к, -а; ерала́ш, -а; саксау́л, -а*);

б) от сохранения иноязычной восточной окраски лексемы, которая требует постоянного ударения (*зила́нт, -а; инжи́р, -а; гаре́м, -а; калы́м, -а; чувя́к, -а; кинжа́л, -а; исла́м, -а; кора́н, -а; меджли́с, -а; кагана́т, -а; курулта́й, -я; има́м, -а; изю́м, -а; муэдзи́н, -а; майда́н, -а; шариа́т, -а; ше́йх, -а; шайта́н, -а; яныча́р, -а; шафра́н, -а; ятага́н, -а*).

Некоторое влияние на сохранение постоянного ударения оказывает финаль -*án*, не соотносящаяся с русским суффиксом -*ан*, так как он формирует у лексемы оценочное значение (ср.: тюрк.: *стакáн, сазáн, карма́н, болва́н, кафта́н, тумáн, шамáн, капка́н*, но русск.: *орла́н, крыла́н, мужсла́н, губáн, братáн, горла́н*). Поэтому нейтральные по оценке тюркизмы семантически не соотносятся с данными русскими существительными, а в большей степени коррелируют с другими заимствованиями, оканчивающимися на ударную фонестему -*án* и обладающими в силу своей иноязычной окраски постоянным ударением на основе типа АА (*бана́н, ветера́н, рестора́н, капита́н, дека́н, профáн, целлофа́н, фонта́н, шанта́н, наркома́н*).

Важно учитывать, что частотность употребления в бытовой речи тюркизмов, как и собственно русских лексем с финалью -*án*, может

способствовать формированию у них АП типа В(с1,4н)В (тюрк.: *каба́н,-а́ // -ы́; чаба́н,-а́ // -ы́; карма́н,-а́ // -ы́ – прост., стака́н,-а́ // -ы́ – прост.; русск.: паца́н,-а́ // -ы́; пуза́н,-а́ // -ы́; коца́н,-а́ // -ы́; брата́н,-а́ // -ы́ – прост.*).

Тюркизмы, оканчивающиеся на мягкий согласный, и приобретающие в русском языке женский род, характеризуются постоянным ударением типа АА или АØ (например: *же́сть,-и; ю́фть,-и; не́фть,-и; лоха́нь,-и; мише́нь,-и; мече́ть,-и; хоруѓвь,-и*). Только утрачивая иноязычную окраску и входя в частотную группу, данные тюркизмы могут приобретать флективное ударение типа АВ(с1,4н): *ло́шадь,-и // -и, -е́й; не́фть,-и // -и, -е́й (проф.)*. Тюркизмы с мягкой финалью, приобретающие в русском языке мужской род, в основном характеризуются, как и существительные с твердой финалью, акцентной парадигмой В(с1,4н)В или В(с1,4н)Ø: *ковы́ль,-я́ // -и́; мизги́рь,-я́; нашаты́рь,-я́; реве́нь,-я́; митка́ль,-я́; ясы́рь,-я́; чекме́нь,-я́*. Тюркские лексемы с ударением на первом слоге, а также малоупотребительные и односложные тюркизмы сохраняют постоянное ударение на основе типа АА: *ко́зырь,-я, хме́ль,-я, визи́рь,-я, сера́ль,-я*.

Таким образом, тюркские лексемы, входя в акцентную систему русского языка, испытывали сложный процесс адаптации на уровне неоднократной перестройки просодической модели. Взаимодействуя с русскими лексемами, они в дальнейшем занимали акцентную лакуну 'новой окситонированной' парадигмы ВВ или ВВ(с2), служившей языковой приметой восточных лексем. У тюркизмов, приобретающих мужской род, была активизирована акцентная парадигма В(с1,4н)В, которая способствовала продуктивности некоторых словообразовательных элементов русского языка. Низкая частотность употребления и восточная окраска лексем влияли на сохранение у тюркизмов постоянного ударения на основе.

Литература

1. Колесов В.В. История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. – 256с.

2. *Воронцова В.Л.* Русское литературное ударение XVIII–XX вв. (Формы словоизменения). – М.: Наука, 1979. – 328с.
3. *Николаева Т.М.* Степень стабильности просодических моделей (финско-русские корреляции) // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С.386–417.
4. *Добродомов И.Г.* Акцентологическая характеристика болгаризмов в славянских языках // Советская тюркология, 1979, №5. – С.8–19.
5. *Каримуллина Г.Н.* Тюркские лексические элементы в русской лингвографии XVIII – XX веков: дис... канд. филол. наук. – Казань, 2007. – 350 с.
6. *Еськова Н.А.* Нормы литературного языка XVIII-XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. – 960 с.
7. *Дмитриев Н.К.* Ударение в словах тюркского происхождения // Сборник статей по языкознанию, посвященный памяти М.В. Сергиевского. – М.: Изд-во МГУ, 1961. – С. 96–104.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975 – 2006. Вып. 1 – 27.
9. *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской – М.: Наука, 1985. – 429 с.

Summary

Accentual adaptation of Turkisms in Russian language

Gilazetdinova G.H., Fomina T.G.

In this article we are analyzing the specifications of Turkisms penetration in accentual system of Russian language, filling of accentual hole of new oxytone in Russian language with Turkisms, which served as a sign of oriental lexical units.

We're also covering the effect of Turkisms' accentuation on the productivity activation of some Russian word-formation elements.

Key words: accentuation, Turkisms, accentual adaptation, linguistic contacts.

Авторы: **Гилязетдинова Гелиня Хайретдиновна**, доктор филологических наук, доцент кафедры теории литературы и компаративистики ИФИ К(П)ФУ

e-mail: ggilaz@mail.ru дом. тел.: 520-42-82

Фомина Тамара Геннадьевна, канд. филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики преподавания ИФИ К(П)ФУ,

e-mail: tfomina@yandex.ru дом.тел.: 554-50-09